

Глава 37. Нефритовая мышь

Обитель Хо Ляньюня являла собой зрелище куда более жалкое, нежели уединённый дворик Чжао Лои. Стоило распахнуть дверь, как наружу вырвалось облако вековой удушливой пыли, вышибив у гостей слезу. Бог весть, сколько времени Ляньюнь не навещал Башню Десяти Направлений. С его-то званием и особым положением он здесь почти никогда не ночевал.

Сюэ Фэн споро отыскивал веники с тряпками и принялся распределять обязанности между Ли Мэном и Цюй Линьханем.

— Второй шишу, в какую комнату тащить узлы? — Ли Мэн растерянно оглядел десяток неподъёмных сундуков Хо Ляньюня, от которых голова шла кругом. Самого хозяина во дворе и след простыл.

Сюэ Фэн и Цюй Линьхань трудились не покладая рук, не обращая на него внимания. Делать нечего — Ли Мэн развернулся и вышел со двора.

Обойдя всё кругом, Хо Ляньюня он так и не нашёл. Ли Мэн лишь почесал затылок.

«Неужто второй шишу взмыл в воздух и улетел? С его-то техникой легкости... Даже в стенах Башни умудряется скакать по крышам, ни капли скромности»

Поразмыслив, он решил, что Сюэ Фэн и Цюй Линьхань — ребята прилежные, приберутся и без него. Сам же он направился в трапезную на поиски наставника. Уж очень хотелось поделиться с ним отменным табаком «Снежное облако», который вчера чудом удалось выпросить у старшего дяди Таоте.

В трапезной, однако, никого не оказалось. Ни Чжао Лои, ни дяди Чай Цзиня — должно быть, закончив с обедом, они уже куда-то ушли.

Ли Мэн ума не мог приложить, где их теперь искать. Чай Цзинь, будучи счетоводом в Линьчжоу, наверняка приехал по делам, а Чжао Лои наверняка вызвался его сопровождать. Найти их в огромной Башне — задача непосильная.

Разочарованный, но рассудивший, что к вечеру они всё равно встретятся с наставником, Ли Мэн пошёл обратно во двор Хо Ляньюня.

— Чистоту-то какую навели, любо-дорого посмотреть, — Хо Ляньюнь вернулся как раз вовремя, небрежно помахивая пустыми руками.

Сюэ Фэн к тому времени успел заварить чай и собирался предложить парням по чашечке перед уходом, но раз уж хозяин соизволил явиться, первым делом следовало поднести питьё ему.

Хо Ляньюнь ни на кого не взглянул, сразу направившись к Цюй Линьханю. Он легонько похлопал паренька по макушке. Тот, то ли от неожиданности, то ли просто не успев сообразить, даже не попытался уклониться.

— Похоже, Цюнцзи приручил тебя окончательно. Какая жалость, — вздохнул Хо Ляньюнь. Сделав глоток, он заметно оживился, и на его бледных скулах проступил едва заметный тёплый румянец.

Только после этого младшие потянулись к пиалам. Сюэ Фэн владел чайным искусством отменно, позволяя им изредка почувствовать себя утончёнными господами. Осушив посуду, они зашевелились, собираясь расходиться.

— Ли Мэн, побудь ещё немного, — негромко позвал Хо Ляньюнь.

Юноша, которому не терпелось поскорее обнять Чжао Лои, неохотно замер, но перечить шишу не осмелился. Хо Ляньюнь сделал едва заметный жест Сюэ Фэну. Тот поклонился и увёл за собой Цюй Линьханя.

— Кое-что приготовил для тебя. Не хотел показывать при твоих братьях, не то ещё сочтут меня предвзятым.

Учитывая богатство поместья маркиграфа Цзинъяна, безделушка обещала быть ценной. Ли Мэн тут же подумал, что её можно будет подарить Чжао Лои, и не отрывал взгляда от шкатулки, которую Хо Ляньюнь опустил на каменный стол.

— Что там, шишу? Только мне ведь сначала нужно спросить позволения у наставника, прежде чем принимать дары...

— Твоя воля. Ты сперва взгляни. Заметил эту вещицу в кабинете генерала Цай Жуна и прихватил с собой.

Внутри шкатулка была выстлана плотным шёлком с узором, вышитым серебряной нитью. Вся напускная рассеянность Ли Мэна испарилась в мгновение ока: он так и застыл, не в силах отвести глаз, и лишь неимоверным усилием воли удержал руки от того, чтобы мгновенно схватить её.

Там, на расшитой ткани, покоилась маленькая золотистая мышка из нефрита «золотая нить». Её крохотные лапки были вырезаны настолько искусно и живо, что казалось, зверёк прямо сейчас прижимает к груди спелый початок кукурузы.

Хо Ляньюнь не упускал ни единого движения на лице юноши. Его безупречные пальцы, казавшиеся выточенными из матового нефрита, легли на край шкатулки. Он осторожно коснулся кончиком ногтя крохотного вздёрнутого носика мыши. Слабый блик света заиграл в

её полуприкрытых глазках, вдыхая в холодный камень удивительную, хитрую жизнь.

— Безделушка эта, надо сказать, с историей, — многозначительно протянул Хо Ляньюнь.

С тихим стуком опрокинулась пиала — Ли Мэн неловко задел её рукавом. Остатки чая расплылись тёмным пятном по его одежде.

— Что с тобой? — заботливый голос Хо Ляньюня прозвучал словно издалека.

У Ли Мэна мгновенно защипало в глазах. Сглотнув подступивший к горлу ком, он поспешно опустил голову, пытаясь скрыть нахлынувшие слёзы.

В тот год его отец, Ли Лин, невесть какими путями раздобыл кусок редчайшего нефрита «золотая нить». Говорили, камень стоил целое состояние. Отец даже созвал в усадьбу близких друзей на званый вечер, дабы похвалиться редкой находкой. А спустя два месяца праздновали десятилетие Ли Мэна. Отец устроил скромный пир и выставил на стол подарок. Как оказалось, большую часть глыбы он отдал столичным камнерезам под крупную кабинетную скульптуру, из остатков заказал фигурку барса, которая всё ещё томилась в мастерской, а эту мышку успели закончить к сроку.

Ли Мэн родился в год Мыши и тогда чуть не прыгал от восторга. То был первый по-настоящему светлый праздник после кончины матери, и память о нём врезалась в сердце намертво.

Пытаясь унять предательскую дрожь, Ли Мэн спрятал левую руку под правую и выдавил, запинаясь:

— И впрямь... дивная вещица. Резьба тончайшая. Говорите, забрали её у генерала Цай Жуна?

— Именно так. Валялась у него прямо в стакане для кистей, вся пылью покрылась. Вот я и попросил отдать.

В конце концов, оба они служили государю, и мало кто в империи посмел бы отказать в безделице Хо Ляньюню. Но в голове Ли Мэна не укладывалось другое: когда их род пал под топором палача, всё имущество должны были изъять в императорскую казну. Каким образом подарок отца уцелел и оказался в руках Цай Жуна?

Хо Ляньюнь взял золотистую мышку и принялся неторопливо вертеть её в пальцах. Ли Мэн провожал каждое его движение затаив дыхание.

— До чего же мелочный человек этот Цай Жун, — усмехнулся Хо Ляньюнь. — Из-за такой безделицы торговался со мной битый час. Всё твердил, дескать, это его личный военный трофей. Я ему и говорю: коль трофей заброшен в угол и пылится, грош цена твоей победе. Он всё равно упирался, так что пришлось мне показать характер.

Улыбка преобразила лицо Хо Ляньюня, сделав его взгляд пленительным и лукавым, способным запутать мысли любого собеседника.

— В конце концов, деваться ему было некуда, пришлось уважить мою просьбу.

Он опустил мышку на шёлк, защёлкнул медный замочек шкатулки и подтолкнул её к юноше.

— Забирай. Теперь она твоя.

Ли Мэн опустил голову. Ему безумно хотелось забрать эту семейную реликвию, но сомнения терзали душу: имел ли он право принять такой подарок без ведома учителя?

— Что такое? И впрямь боишься взять без благословения наставника? — мягко усмехнулся Хо Ляньюнь.

— Я... — Ли Мэн бросил быстрый взгляд на лаковую крышку.

Весь вид Хо Ляньюня выражал молчаливое поощрение: бери же, не сомневайся.

«В конце концов, ничего предосудительного в этом нет. Не тайное же это свидание с обменом подарками... Тьфу ты, я ведь не девица на выданье, чего робею? Обычный щедрый жест от шишу. Приду в комнату и честно во всём признаюсь наставнику»

— К слову сказать, — как бы между прочим обронил Хо Ляньюнь, — вещицу эту изъяли у твоих однофамильцев.

Пальцы Ли Мэна, едва коснувшиеся крышки, дрогнули.

— Она когда-то принадлежала семейству Ли. Едва услышав об этом, я сразу подумал, что она должна достаться тебе. Пятьсот лет назад вы наверняка делили одну кровь, так что фигурка вернётся в семью.

Шкатулка обжигала ладони холодом, её острые углы больно врезались в кожу. Сжав пальцы, Ли Мэн почтительно склонился:

— Благодарю вас, второй шишу.

Стоило юноше скрыться за воротами двора, как радушие на лице Хо Ляньюня угасло, сменившись мрачной сосредоточенностью.

— Значит, всё-таки правда, — глухо проговорил он.

В его глазах вспыхнула затаённая ярость, и он сквозь зубы, с трудом сдерживая гнев, процедил имя:

— Чэнь Шо...

Ли Мэн возвращался к себе, погружённый в тяжёлые думы и не глядя по сторонам. Но едва он толкнул дверь в свои покои, как обомлел: Чжао Лои вольготно устроился в шезлонге, закинув ногу на ногу и неторопливо попыхивая трубкой.

Цюй Линьхань прилежно массировал ему плечи. Они молчали, словно нарочно дожидались его возвращения.

— Что принёс? — не открывая глаз, спросил Чжао Лои.

Ли Мэн скрывать ничего не собирался. Он молча вытащил припрятанную шкатулку и открыл крышку, показывая наставнику её содержимое.

— Второй одарил? — Чжао Лои лениво приподнял веки, бросив короткий взгляд на подарок, после чего мундштуком трубки подцепил крышку и задвинул её обратно. Движение было столь быстрым и точным, что ни одна искорка пепла не коснулась лакового дерева.

— Безделушка красивая, да и камень редкий, чистый. Если вдруг настанут чёрные времена и мы по миру пойдём без единой медной монеты в кармане, её всегда можно будет заложить... — Ли Мэн сам не понимал, к чему эти оправдания. Ему просто отчаянно требовался благовидный предлог, чтобы Чжао Лои позволил ему оставить ценную вещь у себя.

— Отчего глаза красные? — Чжао Лои было совершенно безразлично, что там затевает его названный брат. — Нравится — забирай себе. Держать у себя не заставляю.

Ли Мэн поспешно потёр лицо, скрывая замешательство:

— Да так... Ночью толком не спал.

— Бывает. Я вчера тоже на холоде глаз не сомкнул.

Цюй Линьхань тут же смекнул, что пора уходить:

— Я ещё сегодняшние наставления не повторил. Пойду займусь.

То были последние дни угасающей весенней прохлады, уступавшей место наступающему летнему зною. Лежать в постели, тесно прижавшись друг к другу, становилось уже душновато.

Почувствовав, что со стороны Чжао Лои доносится лишь ровное, мерное дыхание, Ли Мэн осторожно просунул руку под подушку и вытащил золотистую мышку.

— Неужто она тебе так дорога?

От неожиданного голоса Ли Мэн вздрогнул и едва не выронил камень. Судорожно сжав фигурку в кулаке, он поспешно спрятал её обратно.

— Наставник, вы разве не спите?

Вместо ответа сильная рука Чжао Лои собственническим жестом притянула его ближе, заставляя прижаться спиной к груди мужчины. Ли Мэн тут же почувствовал, как пониже поясницы упёрлось нечто твёрдое и горячее.

За долгие недели совместного сна он прекрасно выучил повадки учителя и понимал, в чём дело. Сглотнув сухую слюну, юноша попытался осторожно продвинуться вперёд, надеясь вырваться из этих тисков.

— На пол захотел свалиться? — тихо спросил Чжао Лои.

— Вовсе нет...

— Тогда лежи смирно.

Как бы сильно ни разгоралось в Чжао Лои пламя вожделения, они в лучшем случае лишь помогали друг другу унять плотский зуд. Всё происходило совсем не так, как расписывал Кунью. Ли Мэн даже пробовал следовать его поучениям: всякий раз по полчаса настраивал себя, готовясь к неизбежному, но его опасения раз за разом оказывались напрасными.

Сказать, что наставник его не хочет? Но жар и напряжение за спиной свидетельствовали об обратном.

Сказать, что хочет? За минувший месяц у них было добрых два десятка возможностей перейти черту, однако Чжао Лои так и не сделал решающего шага. Юноша окончательно сбился с толку. Как-то раз, улучив минуту, пока Чжао Лои отлучился по делам Башни, он даже отыскал Кунью. Тот страшно смутился, долго подбирал слова и наконец выдал: «Коль у вас всё ладно, он сам должен проявить нетерпение. Куда больше твоего».

Договаривать не требовалось — Ли Мэн и сам прекрасно понимал, к чему тот клонит.

В голове царил полнейший сумбур, виски ломило, и сон никак не шёл. Пытаясь отвлечься от щекотливых мыслей, Ли Мэн спросил первое, что пришло на ум:

— А зачем к нам пожаловал счетовод из Линьчжоу?

— Меньше знаешь — крепче спишь, — лениво отозвался Чжао Лои. Его ладонь легла Ли Мэну на грудь. Ощущение живого тепла сквозь тонкую ткань дарило странный покой.

— В последние дни в трапезной совсем безлюдно стало. Неужто всех отправили на задания? — Ли Мэн почувствовал, как пальцы наставника замерли, аккуратно запахивая ворот его ночной рубахи.

Повисло долгое молчание. Юноша уже решил, что ответа не дожждётся.

— И что ещё ты заметил? — наконец глухо спросил Чжао Лои.

— Все словно чураются нас со старшим братом.

— Можно подумать, прежде они выстраивались в очередь, чтобы перекинуться с вами словечком.

Ли Мэн задумался.

— Нет, всё иначе. Раньше они просто не хотели знаться с нами. А теперь... — он мысленно перебирал лица собратьев по Башне, силясь выразить то гнетущее чувство, что преследовало его и Цюй Линьхяня. — В их взглядах сквозит то ли страх, то ли глухая злоба. Даже кухарка на раздаче стала жадничать, больше не кладёт мне добавки!

— И кто же именно так на тебя смотрит?

— Имён большинства я не знаю. Но один точно из приспешников Чжу Тяня. Как зовут — не помню, но в лицо сразу признаю. — Ли Мэн неосознанно прижался голенью к тёплой ноге Чжао Лои.

Чжу Тянь был грозным убийцей в Башне Десяти Направлений. Когда-то он пару раз гонял Ли Мэна подметать свой двор. В те поры Чжао Лои поблизости не было, заступиться за сироту было некому, и мальчишке приходилось беспрекословно сносить чужие капризы.

— Не бери в голову, — Чжао Лои смежил веки.

Ли Мэн, однако, заворочался и развернулся в его объятиях, уставившись на наставника в упор.

— Наставник, в Башне ведь что-то стряслось? — с затаённой тревогой спросил он.

Во взоре Чжао Лои промелькнула смутная, пугающая тень. Ли Мэн нутром чуял: за закрытыми дверями творится нечто злое. И пусть Чжао Лои твердил, будто мальчику не о чем беспокоиться, дурное предчувствие ледяными иглами кололо сердце.

— Помнишь ту историю про Чёрный Пион, что я тебе рассказывал?

Ли Мэн молча кивнул.

— Тот ребёнок, которого выкормил и вырастил Вэнь Сюй... это я.

В памяти Ли Мэна вихрем закружились обрывки старых разговоров. Чёрный Пион покинула Башню Десяти Направлений, едва отняв младенца от груди, и воротилась лишь три месяца спустя, пообещав Вэнь Сюю остепениться и начать честную жизнь. Вспомнились и слова хмельной, обольстительной Синь-нян о том, что Чжао Лои бьётся с безумной яростью, не оставляя себе пути к спасению, будто мечтает поскорее сойти в могилу к родной матери. Да и младшая наставница Сяо Чанчу как-то обронила, что они с Чжао Лои — порождения одной и той же беспросветной тьмы, ведь на его душе лежит страшное клеймо матереубийцы.

Все эти разрозненные слухи и полунамёки Ли Мэн берёт в памяти пуще зеницы ока — ведь каждая мелочь, связанная с Чжао Лои, имела для него значение.

— Мастер Башни обучил меня ремеслу и вывел в люди. Для здешней братии Башня Десяти Направлений — не более чем надёжное логово, где можно укрыться от грехов прошлого. Но для меня она всегда была настоящим домом.

Ли Мэн впервые слышал от наставника столь личные, полные неизъяснимой тоски признания. Он привык считать, что Чжао Лои сросся с дорожной пылью и вечными скитаниями. На деле же к одиночеству невозможно привыкнуть. Всякий бездомный бродяга глухими ночами лелеет в груди хрупкую мечту о тихой гавани, куда можно прийти и сказать: «Я вернулся».

Ли Мэн бережно обнял Чжао Лои, зарываясь лицом в его плечо.

— В Башне завелась крыса. Мы выследили её, и сегодня ночью расставим силки, — глухо отозвался Чжао Лои. В его ровном голосе проступила леденящая сталь.

Только теперь Ли Мэн осознал, почему Чжао Лои в последние месяцы то и дело бесследно исчезал. Он вёл тайную охоту. Становилось понятно, отчего ворчал Сюэ Фэн из-за отсутствия старшего наставника Таоте и почему Хо Ляньюнь вдруг обосновался в своих заброшенных покоях.

— Третий шишу Таоу уже в пути, к сумеркам должен поспеть, — Чжао Лои обхватил плечи юноши, его приглушённый голос щекотал кожу на шее Ли Мэна. — Вам с Линьханем незачем соваться в это пекло.

— Я пойду с тобой, — упрямо возразил Ли Мэн.

Чжао Лои слегка отстранился и пристально, нахмутив брови, заглянул юноше в глаза.

— Ты — мой наставник. А значит, твоя беда — моя беда.

Чжао Лои на миг растерялся, а затем его губы дрогнули в мимолётной улыбке. Ли Мэн стоял на своём:

— И не только я — старшему брату тоже след пойти с нами. Раз ты назвался нашим учителем, кончай геройствовать в одиночку. К чему вообще было брать учеников, если при первой же грозе ты гонишь нас прочь, точно посторонних?

На сей раз дар речи потерял сам Чжао Лои. В его обычно холодных глазах медленно разлилось мягкое, непривычно тёплое свечение.

Он прижался лбом к лбу Ли Мэна и, не говоря ни слова, крепко стиснул его в объятиях.

В этот миг в душе юноши зародилось неведомое прежде чувство взрослой решимости и ответственности за чужую жизнь. Он крепко обхватил Чжао Лои руками. Впервые он ощутил себя не обузой, а равным — тем, кто способен разделить с учителем его ношу и встать с ним плечом к плечу. Отныне и вовеки, в любых раздорах Башни Десяти Направлений, сторона Чжао Лои была его стороной.

Впрочем, Ли Мэн решил не развивать эту тему, дабы Чжао Лои не поднял его на смех за излишнюю слезливость. Сначала нужно овладеть воинским искусством так, чтобы враги трепетали, а союзники не смели глядеть свысока — вот тогда и поговорим.

И тут в его голове вспыхнула внезапная догадка: теперь-то он понял, почему Чжао Лои до сих пор не переступил ту самую черту в их близости. Учитель смотрел на него совсем как отец, чьё дитя наконец-то выросло — со странной смесью гордости, щемящей грусти и невольной утраты...